

АВГУСТ

По горизонту красная кайма,
царапина на золотом колене.
У северного берега в морене
зашевелилась близкая зима.

И в ход идут румяна и сурьма,
приметы неизбежного старения,
и линии последних повторений,
и августа густая хохлома
по контуру чернеет бузиной,
и пахнет облепихой и сосной.

Горюч шиповник, жимолость лилова,
и утомлённым воздухом не зной
гудит и дышит в небе надо мной,
а раковина моря ледяного.

Вот и солнце упало
в серый дым на горе.
Золотые рапаны
умирают в ведре,

и по гальке перловой,
рядом с тихой водой,

кто-то ходит с уловом
или с тарой пустой.

Остывающий камень
и забытый лежак.
За неясным шуршаньем
различается шаг,

и лежак убирают,
и пора бы уйти,
в небе чайка вторая
вслед за первой летит.

С неба холод спустился.
воздух тёмен и глух.
Забери меня с пирса.
Забери меня с пирса.
Я считаю до двух.

Застряла в тонком дождевом ушке
сверкающая нитка золотая.
а на веранде лилия в горшке
бледнеет, виновато отцветая.

За мокрою дорогою лесной,
где мост из паутины подвесной
меж ветками сосновыми проброшен,
полна трава лазуревых горошин,
и листья отливают белизной.

И тучи в небе медленно влачат
грузёную сполна подводу ливня.
С пустой веранды смотрит в небо длинный
дрожащий стебель белого луча —

так лилия вытягивает свой
последний день из темноты горшечной,
и гостье, на порог едва взошедшей,
она кивает старой головой.

Ни тебя, ни меня, только тени, и ветер, и тени,
только соль на камнях — проступила и сразу пропала,
и качаются тонкие стебли подводных растений,
бестелесные духи медуз и погибших рапанов,

только крик над водою, высок и всегда безответен,
на дрожащих холмах — черепков серебристые груды,
ни тебя, ни меня, только ветер и рваные сети,
и дитя у воды, что явилось само, ниоткуда.

Это девочка — слышишь, она осторожно ступает
по песку и по водорослям, по кускам перламутра,
и сквозь водную толщу огромная рыба слепая
всё глядит на неё, и не видит, и плачет как будто.

Зима перебелила города,
перемолола, перелицевала,
и снова снегом перецеловала
своих недоцелованных, когда
они так вождели белизны,
и выставляли напоказ такое,
что к воздуху притронешься рукою,
и сразу станут помыслы грязны.

Ты жаждал обновления — и вот
забытый фокус, древняя уловка:
злодейка, душегубица, воровка
в сиянье белом медленно плывёт.
И на ветру серебряная дрожь
и острые стекольные игольца,
и никнут к пальцам ледяные кольца,
и ложь нежна, и да пребудет ложь.

Так мягко стелет, так бормочет: спи,
что словно не на улице с огнями,
а рядом с занесёнными санями
нашёптывает во глухой степи,
где лошадиный взгляд заледенел,
и пустота направо и налево
так, что не видно чёрного на белом,
и белый свет неодолимо бел.